

500

59

В. АРДАМАТСКИЙ

0-29594

УМЕНЬЕ ВИДЕТЬ НОЧЬЮ

БОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 24
ЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1942

В. АРДАМАТСКИЙ.

УМЕНЬЕ ВИДЕТЬ
НОЧЬЮ

Издательство „Правда“
Москва — 1942

29594

А 79 + русск.

• Отв. редактор Е. ПЕТРОВ

Издательство „Правда“		Изд. № 284
А61199	Заказ типогр. 1036	Тираж 100 000 экз.
Формат бумаги 105 × 148 мм	Печ. л. 1 $\frac{1}{2}$	Зл. в 1 п. л. 48 200
Цена 20 коп.	Подписано к печати 15/VI 1942 г.	

Типография «Красное знамя», Москва, Сущевская, 21.

УМЕНЬЕ ВИДЕТЬ НОЧЬЮ

Партийное собрание проходило в землянке. Кто сидел, поджав ноги, кто стоял у бревенчатых стен. Керосиновый фонарь освещал только сидевших впереди. Позади них зияла темнота, и казалось, будто там, дальше, — большой зал. В партию принимали молодого летчика-лейтенанта Севастьянова. Он стоял около фонаря, переминаясь с ноги на ногу. На глаза ему спадал клочок волос, и он поминутно приглаживал его рукой. Он только что рассказал свою биографию. Рассказ был очень коротким: по его словам получалось, что жизнь у него началась только теперь — на войне. Вопросов не было, только кто-то из темноты заметил:

— Севастьянов — летчик хороший, но еще зеленеват. Маловато пороху нюхал...

Севастьянов взгляделся в темноту, туда, откуда прозвучала эта реплика, и тихо ответил:

— Это безусловно верно. Но я обещаю партии, что всегда буду равняться на лучших и врагу слуху не дам.

Секретарь партбюро сказал:

— Все мы в свое время были зелены. Дыня никогда сразу не вырастает желтой.. Ставлю вопрос на голосование!

В крошечной тьме летчики расходились по землянкам. Они шли по-трое, как летают в звеньях. В землянке командир звена обратился к Севастьянову:

— Теперь наше звено сплошь коммунистическое. С нас будут спрашивать втрое. Ты это всегда помни!

Утром Севастьянов вылетал на патрулирование Ленинграда. У него сильно чесались руки подраться, но к городу никто не лез. В назначенный час Севастьянов вернулся на аэродром. Командир звена встретил его около командного пункта:

— Ну, как?

Севастьянов махнул рукой:

— Пустой номер!..

— Не говори глупостей, лейтенант! Вот это из тебя зелень прет. Запомни раз и навсегда — на войне пустых номеров не бывает. Сегодня будем тренироваться на ночную работу. Сразу после обеда ложись спать!

Севастьянов днем спать не умел. Командир звена и другой летчик храпели вовсю, а он лежал, заложив руки под голову, и смотрел в слезящийся сыростью потолок землянки.

Севастьянов думал о предстоящем ночном полете. В авиашколе зачеты по ночным полетам он

сдал на «отлично». Но он знал: нынешний ночной полет совсем не будет похож на те, что были в школе, под мирным небом майской ночи. Севастьянов вспоминал рассказы опытных летчиков о ночных боях. В этих рассказах, хотя и очень интересных, было много противоречивого. У каждого «ночника» были свои навыки и приемы.

Ночью тренировались два звена. Присутствовавший на полетах командир части похвалил Севастьянова. Он сказал:

— Садитесь и взлетаете чисто, но это четверть дела. Вот меня называют хорошим «ночником» за то, что я сбил тогда «юнкерса». А я считаю этот успех случайным. Второго-то «юнкерса» мы с капитаном упустили. А старались изо всех сил! В чем главная трудность ночного боя, объяснить почти невозможно. Все обязательно надо испытать самому. Понимаете? Действуешь словно во сне, когда надо ударить, а руки будто связаны. Ночная посадка, например, проходит во многом на чутье. А там чутье работает плохо. Там прежде всего нужен кошачий глаз и какая-то особая хватка. Для ночных боев надо вырабатывать совершенно новые привычки и приемы. Не каждый хороший истребитель сразу становится и хорошим «ночником»...

Репродуктор, установленный у землянки связистов, передавал ночной выпуск последних известий. Радиопередачу слушали летчики, бортмеханики, красноармейцы. В это время в небо взлете-

ла ракета — сигнал к вылету дежурных истребителей. Севастьянов сорвался с места и, на ходу застегивая шлем, побежал к самолету.

Сообщение о приближении «юнкерсов» к Ленинграду запоздало, и звено истребителей, взлетев с аэродрома, ринулось уже прямо к городу.

Там самолеты разошлись. Севастьянов летел вдоль западной окраины города. Высота 1500 метров. Самолет устремлялся сквозь густую черноту. Севастьянов смотрел во все стороны. Он торопился увидеть врага. Справа и слева зажглись прожекторы. Их лучи сплелись в пучок впереди самолета Севастьянова. Один луч проходил совсем близко. От него в кабине самолета стало непривычно светло. Потом прожекторы один за другим погасли, и Севастьянову показалось, что в небе стало еще темней. Опять вспыхнули прожекторы. Теперь голубые пики скрестились чуть правей, и сразу же в прожекторном перекрестии появилась блестящая черточка «юнкерса». Прибавив газ, Севастьянов стал набирать высоту, мчаться туда, где прожекторы схватили немецкого бомбардировщика в щипцы. Севастьянову показалось, что «юнкерс» только ненамного выше его, но когда расстояние между самолетами сократилось, он увидел, что «юнкерс» был все еще значительно выше его. Вот они, ночные штуки! Севастьянов отваливает влево и на широком круге набирает высоту. Теперь, кажется, хватит! Севастьянов видит освещенный «юнкерс» в сетке прицела. Вле-

ред! Расстояние до врага быстро сокращается. «Юнкерс» делает хитрый маневр в сторону и выходит из скрещения прожекторных лучей. Те рассыпаются по небу и начинают методически прочесывать ночное небо. Исчезновение «юнкерса» произошло так быстро, что Севастьянов оторопел. Он заложил крутой вираж и начал ходить по тесному кругу. Наклонив машину на вираже, Севастьянов глянул вниз, и в это время ему прямо в лицо угодил луч прожектора. Это было как удар. Севастьянов отпрянул в сторону и больно ушиб голову о борт кабины. Теперь он не видел ничего, даже светящихся в кабине приборов. Эта слепота была страшной, но скоро прошла, и Севастьянов снова продолжал кружить и всматриваться в темноту. Только теперь он не решался глянуть вниз. Прожекторы опять поймали «юнкерса». Он уже оказался значительно ниже и слева. Севастьянов опускает нос машины и несется туда. И опять глаза обманывают его. Севастьянову казалось, что он пикирует точно к хвосту «юнкерса», но буквально в последнюю секунду он увидел, что пикировать надо было более плоско. Хотя его самолет был уже на одной высоте с «юнкерсом», но далеко позади него. Севастьянов прибавил скорость. Враг все ближе, ближе... Севастьянов прильнул к прицелу и, наконец, открыл огонь. Но странное дело: «юнкерс» был взят в прицел совершенно точно, а трассы пуль прочертили кривую влево и значительно ни-

же. Очевидно, незаметно для Севастьянова, когда он переключал свое внимание на ведение огня, его самолет немного наклонился влево. Внимание на приборы контроля горизонта! Снова прицел. Теперь красный хлыст трассирующих пуль протянулся совсем близко от фюзеляжа «юнкера», но чуть выше. По длине хлыста Севастьянов замечает, что он ведет огонь с очень большой дистанции. А ему казалось, что дистанция достаточно коротка. Севастьянов еще прибавляет скорости. Но в следующее мгновение он видит: со спины «юнкера» как будто распустил кто-то пучок желтых лент. Это немецкий стрелок увидел истребителя и открыл по нему огонь. Севастьянов принимает новое решение. Он делает крутое пикирование и пытается выйти «юнкерсу» под брюхо. Самолет выведен из пикирования, полетел в горку, но Севастьянов видит, что он выходит совсем не под брюхо «юнкера», а значительно правее. В прицеле только конец крыла. Севастьянов злится и нажимает гашетку. Длинная очередь впустую, мимо! Теперь Севастьянов впереди «юнкера» и чуть ниже. Поворот вправо, новый заход к хвосту врага. Немецкий стрелок неистовствовал. Он безостановочно стрелял по истребителю, но неточно. Севастьянов подумал: у немецкого стрелка тоже отсутствует умение видеть ночью. Но тут Севастьянов заметил страшное. Из-под брюха «юнкера» отделилось несколько бомб. Они сверкнули в прожекторных лучах и потонули в черноте. Бом-

бы полетели вниз, на город. Севастьянов сжал зубы. Он вспомнил так недавно произнесенные свои слова: «Я врагу спуску не дам». Получалось так, будто он обманул партию: наобещал, а теперь летит рядом с врагом, который спокойно бомбит город. Севастьянов не знал, что фашистский летчик сбросил бомбы куда попало только для того, чтобы избавиться от них, облегчить вес машины. Немцу становилось не по себе от наскоков настойчивого советского истребителя. «Юнкерс» снова начал маневрировать, пытаясь выйти из света. Но это ему не удавалось. Эти маневры бесили Севастьянова, которому приходилось заново делать заходы, заново рассчитывать огонь. Севастьянов подобрался к «юнкерсу» довольно близко. Теперь или никогда! Севастьянов стреляет по «юнкерсу» из пулеметов и пушки. Истребитель, казалось, содрогался от напряженного огня. А «юнкерс» летел как ни в чем не бывало. Между тем Севастьянов ясно видел, что одна длинная очередь легла поперек крыла «юнкерса» и по мотору, а пушечный снаряд прошел у самого руля повсрота и должен был попасть в горб фюзеляжа. Еще две бомбы отделились от «юнкерса» и полетели вниз. И тогда Севастьянов принял решение таранить. У него еще были огневые средства, но больше он не верил себе.

Полный газ! Истребитель Севастьянова подбирается к самому хвосту «юнкерса». Вот он уже так близко, что немецкий стрелок не может вести

обстрела, так как рискует повредить хвост собственной машины.

Ближе, еще ближе! Воздушный поток отталкивает истребителя вправо, но Севастьянов упорно прижимает свою машину к «юнкерсу».

Казалось, что по самолету ударили тяжелым бревном. Больно стукнул в ладонь штурвал. Но Севастьянов на это не обратил внимания. Он искал в небе «юнкерса». Где он? Что с ним? Севастьянов заметил, что в небе все переместилось. Глаза прожекторов оказались впереди истребителя, как будто прожекторные точки поднялись в небо. Скрещенье прожекторных лучей было где-то позади, за хвостом. Севастьянов понял: его самолет падал в отвесном пике. Он берет штурвал на себя, но машина не слушается и начинает заходить в вертикальный штопор. Севастьянов продолжает борьбу. Он проделывает эволюции рулями, снимает и прибавляет газ, но это не помогает. Земли Севастьянов не видит, и, скоро ли врежется в землю его самолет, он не знает. Сейчас он не думает об этом. Только когда он убеждается, что спасти самолет невозможно, он отстегивает ремни и вываливается из кабины. Парашют раскрылся быстро. Теперь все стало на свои места. Севастьянов увидел, что недалеко от него, провожаемые прожекторами, снижались три немецких парашютиста — экипаж бомбардировщика. А «юнкерса» нигде не было. Но Севастьянов

спокоен. Он знает: без экипажа у «юнкерса» один путь — к земле.

Севастьянов глядит вниз. Земли не видно. Внизу наглухо затемненный Ленинград. Неизвестно, скоро ли и обо что ударятся ноги. И вдруг совсем рядом с ним возникает силуэт высокой заводской трубы. Еще мгновение, и слева и справа вырастают черные громады заводских корпусов. Удар в ноги! Севастьянов упал на крышу. Удержаться на крыше не смог. Парашют стащил его на землю. К счастью, внизу была куча угольного шлака. Севастьянов сперва скользнул по ней ногами, а затем кубарем скатился вниз. Опомившись, он услышал голоса. Кто-то сказал:

— Осторожней, это, кажется, наш...

Севастьянов поднял голову и увидел, что он со всех сторон окружен вооруженными людьми. Севастьянов сказал:

— Товарищи! Я — свой. Я с истребителя. Смотрите, не прозевайте, где сядут немцы.

Кто-то осторожно ответил:

— Никуда немцы не денутся. Их тоже встречают. Встать можете?

Севастьянов попробовал приподняться. Больно ныло плечо и бедро, но ноги были целы. Вот только не было одной унты. Севастьянов встал, но покачнулся. Его подхватили чьи-то руки и повели в темень заводского двора.

Через десять минут Севастьянов в машине уезжал в госпиталь. Его провожали рабочие заво-

да. Не считаясь с его ушибленным плечом, они подолгу трясли ему руку, поздравляли и говорили странно звучащее в этой ночи слово «спасибо». Какая-то девушка заставила Севастьянова надеть ее валенок. Машина мчалась по улицам, когда репродукторы объявили отбой «воздушной тревоги». Севастьянов слушал сигнал и испытывал необыкновенно приятное чувство удовлетворения. Как будто это он лично сообщает городу о минувшей опасности.

Утром Севастьянов приехал на аэродром. В его землянку пришли все свободные летчики. Севастьянов рассказывал им о своем ночном бое. Летчики слушали его внимательно, как учителя на уроке. Когда Севастьянов кончил свой рассказ, командир части сказал:

— Вот, вы и «ночник». И хороший «ночник». Теперь вы поняли, какая сложная штука — уметь видеть ночью?

Секретарь партбюро усмехнулся и добавил:

— Подумаешь, сложность... Коммунисту просто полагается видеть ночью.

Ленинград, ноябрь 1941 года.

В ТОМ ЖЕ НЕБЕ...

Этот воздушный бой произошел над пунктом К. Все очень хорошо было видно с земли, с холмика возле командного пункта одной пехотной части.

Ясный морозный день. Группа командиров, вышедшая из блиндажа, расположилась на солнечной стороне холмика. Они сидят кружком по краю воронки от снаряда и подставляют свои лица солнцу. Затевадается разговор о том, греет сейчас солнце или нет. Майор доказывает, что греет, но его доказательства чисто теоретические. Практически же участники разговора от солнца только щурятся. Всех пробирает колкий, порывистый ветер, налетающий со стороны Финского залива.

Спор прерывает моторный звон в голубом небе. Майор вскидывает к глазам бинокль.

— Наши, — говорит он. — Аэродром охраняют.

Два истребителя на огромной высоте летят, прижавшись крылом к крылу. Сначала они летят в глубь Финского залива. Потом, сделав широкий круг, поворачивают на восток. Командиры следят за самолетами, пока те не скрываются вдаль, и продолжают спор.

Опять гудят в небе моторы, но с запада. И гул незнакомый, прерывистый. Ну, конечно, на большой высоте летят «коричневые». Впереди два «юнкерса» и еще один — немного позади. Майор следит за ними в бинокль.

— Какая досада, — говорит он, не отрывая глаз от окуляров, — наши-то парни потопали на восток и ничего не видят...

Но наши парни, оказывается, все видят. На высокой ноте гудят моторы истребителей, мчащихся навстречу «юнкерсам». Истребители разъединились — один заходит справа, другой — слева. И тут же завязывается горячий воздушный бой. Немцы сразу соображают, что до аэродрома им уже не долететь, и поспешно освобождаются от бомб.

Бой происходит на постепенно уменьшающихся высотах. Вскоре становится отчетливо слышен рокот авиационных пулеметов. Два передних бомбардировщика дрались не больше четырех минут, а потом круто развернулись и стали уходить на запад. За ними погнался один истребитель. Вторым истребителем обрабатывал отставшего бомбардировщика. Там шел бой один на один. Горячий, захватывающий бой. У немецкого летчика хорошая машина из последних типов. Но у нашего машина лучше. В немецкой машине, судя по всему, сидел не скороспелый юнец, но и наш не был новичком в военном небе. Бой виден очень хорошо, как на воздушном празднике. Это сравне-

ние приходит в голову невольно. Уж очень похоже!

Все заметили, что наш истребитель все время избегает оказаться ниже машины врага и, наоборот, сам норовит залезть ему на спину. А немцу не нравится именно это. Как только чуть ошибется наш летчик, немедленно из-под брюха немецкой машины начинает бить пулемет. Верхний пулемет у немца молчал. Ах, вот в чем дело! Видимо, пулеметчик верхнего фонаря убит, и только нижний, сидящий в подвесной люльке, может вести огонь по нашему истребителю.

Немец переводит свою машину в крутое пики. Старый трюк: прижаться к земле и удирать на бреющем полете. Наш пикирует вслед за немцем. Тогда немец на ходу изменяет решение: испугавшись потерять запас высоты, он на тысяче метров выходит из пики и хитро, на крутом вираже бросается в сторону. Истребитель не отстает от немца ни на шаг и снова заставляет его драться.

В одно мгновение все наблюдавшие бой с земли вздрогнули. Показалось, что наш подбит. Он ринулся в почти отвесное пики. Но пики было очень коротким — одно мгновение и затем крутая горка под брюхо немцу. Звенит мотор истребителя, рождают все его пулеметы, и вот стоящие на земле видят смешное... Пулеметные очереди нашего истребителя перебили тросы подвесной люльки, и она вместе с пулеметчиком отделилась от фашистского самолета. Она падала, а здесь, на

земле, хохотали до слез. Майор хлопнул соседа по плечу и прокричал:

— В этой люльке пулеметчик будет крепко спать!..

В это время там, наверху, началось самое интересное. Немецкая машина потеряла способность огрызаться — у нее выбиты зубы. Но у нее остались моторы, и на них делает последнюю ставку, фашистский летчик. Игра на проигрыш! Мотор ч очень хороший мотор есть и у нашего истребителя.

Немец решил удирать через залив к своим финским друзьям. Наш истребитель не отстает. Больше! Он играет с ним как кошка с придавленной крысой. Но вскоре нашему летчику эта игра надоела и он проводит красивый финал боя. Истребитель делает глубокий вираж на левое крыло и на выходе из виража бьет из пулемета по правому мотору фашистской машины. Бьет наверняка, жалея лишнюю пулю, зная, что вполне достаточно короткой очереди. Затем истребитель проскакивает вверх и недолго летит впритирку над самым бомбардировщиком, словно любуясь, как разгорается пламя на его правом крыле. Половину шансов на спасение немец уже потерял... Истребитель пикирует. Он пронесется перед самым носом бомбардировщика и затем начинает «заворачивать» широкую, круглую, как по циркулю, мертвую петлю. В центре петли — приговоренный враг. Истребитель завершает петлю над бомбардиров-

щиком, немного позади него. Оттуда — плоское пики к левому крылу. Оранжевый хлыст трассирующих пуль, казалось, обвился вокруг крыла, захлестнул мотор. Горит и левое крыло. Дымит немец в две струи, но еще летит. Тогда истребитель заходит сбоку и делает три коротких, как уколы иглой, пулеметных очереди по кабине летчика. Этого вполне достаточно для того, чтобы немец забыл, как управлять самолетом. А давно известно, что неуправляемый самолет лететь не может и должен упасть. Этот двухмоторный не стал исключением...

...По возвращении в город — телефонный звонок в штаб: какие летчики дрались сегодня в 14.45 над К.? Вскоре получаю справку: дрались морские истребители Руденко и Костылев. «Юнкерса» сбил командир звена Костылев.

...Костылев... Костылев... Фамилия казалась страшно знакомой. Воспоминание пришло неожиданно. Мне будто послышался голос мощного репродуктора, говорящего:

— Смотрите, товарищи, смотрите! Начался воздушный бой. Дерутся, но, конечно, не всерьез воспитанники Центрального аэроклуба Викторов и Костылев!..

Да, правильно, не раз 18 августа репродуктор называл собравшимся на воздушный праздник в Тушине фамилию Костылева. Помнится: однажды сам Костылев выступал в Тушине у микрофона. Это был высокий белобрысый парень со смешин-

кой в серых глазах. Он еще сморозил тогда что-то смешное, и все Тушино дрогнуло от хохота...

На другой же день я встретился с морским истребителем Костылевым. Это был тот Костылев — высокий белобрысый парень со смешинкой в серых глазах. Только теперь на нем была военная форма. На петлицах кожаного реглана — по три квадратика. Старший лейтенант. А когда он расстегнул реглан, чтобы достать что-то из кармана гимнастерки, я увидел на его груди два ордена Боевого красного знамени.

Вот наш разговор с Костылевым:

— Как же это вы, Костылев, из сухопутного Тушина попали в морские силы?

— А какая разница? Небо и воздух одинаковые — что в Тушине, что здесь... Я летаю в том же самом небе!

— Ордена получили давно?

— Один еще за финскую кампанию, другой — наднях..

— Как перевести ваши ордена на счет сбитых самолетов?

— Я сбил четырнадцать штук. Четырнадцатого заиграл вчера...

— Мы случайно наблюдали эту игру...

— Да ну? Как это выглядело с земли?

— Здорово! Я бы не хотел быть в этой игре вашим соперником.

— Немец тоже не хотел... Под конец он хотел выйти из игры, но я заставил его доиграть до конца...

— Вы помните, Костылев, как вы выступали в Тушине у микрофона?

— Еще бы! Я помню даже, что говорил.. Я сказал тогда: вы, товарищи, видели мой воздушный бой с Викторовым. Мы, конечно, не хотели обижать друг друга — и потому схватка окончилась с ничейным результатом: ноль-ноль..

— Кстати, а где сейчас Викторов?

— Дерется с фашистами. Уверен, что он крепко обижает ихнего брата. Это ведь не в Тушине. Драка идет всерьез: или они нас, или мы их.. Меня устраивает второй вариант, вот я и стараюсь..

Газетное интервью вскоре окончилось, но мы еще долго говорили обо всем и, главным образом, о Москве. Для разговоров двух москвичей на эту тему требуется вагон времени.

Но Костылева позвали к телефону. Он выслушал, очевидно, чей-то приказ и, сказав в трубку отрывистое «есть!», стал торопиться. Через несколько минут он улетел.

Ленинградский фронт.

РАССКАЗ О НИНЕ ЕРЕМЕНКО

...Окно в хате выбито, и дождь клещет по подоконнику, с которого падает тоненькая струйка воды. В грязной луже на полу лежит растоптанная ученическая тетрадь. На обложке тетради детским почерком выведено: «Грамматика». Чья-то рука, очевидно учителя, синим карандашом подчеркнула букву «М» и сверху вставила второе «М». Все это видит девушка, сидящая на мокрой лавке, спиной к холодной дыре окна. Девушке хочется поднять тетрадку, отряхнуть с нее воду и перелистать страницы. Там, должно быть, написано страшно близкое и родное. Девушка, не отрываясь, смотрит на тетрадь. И видит: два сапога и приклад винтовки приближаются к тетради. Один сапог носком подковырнул тетрадь и отшвырнул ее в сторону. Девушка слышит:

— Ферботен!

Девушка знает: по-русски это означает:

— Нельзя.

Она поднимает глаза. Перед ней совсем юнец. У него вздернутый нос, тонкие губы. Под задор-

ным белобрысым чубом испуганные серые глаза. Чего он испугался? Юнец мог бы объяснить, сказать: «Меня предупредили: девица — важная птичка. Приказали охранять ее до прихода офицера. Вот и все. А тетрадка — мало ли что можно сделать с тетрадкой, — а офицер Клест строг и беспощаден к плохим солдатам..» Но солдат молчит, и девушка смотрит на него с удивлением и любопытством.

Распахивается дверь. От сквозняка на столе трепещут бумажки, придавленные чернильницей. В хату входит офицер. У него красное лицо, в руках полотенце. Офицер был в бане. Офицерский китель расстегнут, открыта широкая волосатая грудь. Увидев девушку, офицер запахивает китель, говорит «пардон» и проходит за занавеску. Несколько минут занавеска вздрагивает и колыхается — там офицер приводит себя в порядок. Девушка посмотрела в окно, но успела увидеть только колодезный журавель, на котором качался от ветра повешенный. Снова окрик?

— Ферботен!

Отдернулась занавеска. Вышел офицер. Он садится за стол, потом встает и по-немецки говорит солдату: «Дайте девушке стул» — и потом девушке на ломаном русском языке: «Вам холодно в окне. Вот вам стул. Сидите!»

Девушка садится на стул, и офицер нагло рассматривает ее. Она маленького роста. У нее

строгое красивое лицо. Тонкий нос с чуть заметной горбинкой придает лицу черты упрямства. Светлые волосы гладко зачесаны назад. Высокий лоб подчеркнут длинными прямыми линиями бровей. Добрые серые глаза красны от слез... Офицеру нравится эта девушка, неизвестно откуда и зачем пришедшая в его часть. Офицер приказывает солдату выйти в сени. Щелкнули каблук, опять затрепетали бумажки под чернильницей.

Офицер приветливо улыбается.

— Что я могу сделать для вас?

Девушка, словно не слыша вопроса, говорит:

— Я из Жуковки...

Эти два слова изменяют лицо офицера. Жуковка для него — невыполненный приказ командования. Село до сих пор в руках красных. Жуковка — это неуловимый партизанский отряд, причующийся у озера, это взрыв обоза со снарядами, это смерть командира части, смерть от снайперского выстрела из темноты августовской ночи.

Офицер сразу становится деловым и настороженным:

— Зачем вы пришли к нам? Кто вы?

Девушка вынимает из сумочки платочек и вытирает глаза:

— ...Мне очень тяжело говорить... Еще тяжелей сделать...

Пауза.

Офицер пристально смотрит на девушку. Он знает, что в таких случаях надо молчать.

— Моя фамилия Еременко. Имя — Нина. Я учительница из Жуковки. Я хочу помочь вам.

Офицер — не такой дурак, чтобы сразу поверить. Он продолжает с недоверием глядеть на нее. Нина Еременко начинает плакать. Сначала тихо: видно только как вздрагивают плечи. Потом плачет навзрыд, опустив голову на стол. Офицер отмечает: «Историчка, эта может все сделать».

— Успокойтесь, дорогая, — говорит он, — немецкая пословица гласит, что неисправимое горе есть только смерть... Что они вам сделали?

Нина Еременко плачет. Вдруг она вскакивает, швыряет платочек в сторону. Она стоит перед офицером с растрепанными волосами. В заплаканных глазах истерический блеск. Она дрожа говорит:

— Да, я готова все сделать!

Пауза.

— Они убили моего мужа. Они обманули его. Они насильно увели его в партизаны и там убили его. Мне даже не сказали, где его могила! Меня лишили карточек на хлеб, сказав, что я жена труса и предателя. Я хочу мстить.

Девушка топает ногой, громко кричит:

— Я хочу мстить!

Офицер встает из-за стола, подходит к девушке и кладет ей руку на плечо:

— Армия Германии поможет вам исполнить акт священной мести!

Девушка опять плачет и сквозь рыдания говорит:

— Мне очень трудно... Ведь я советский человек. Я люблю Советскую Россию!

Офицер усаживает девушку:

— Успокойтесь. Любовь — понятие не постоянное. Особенно у вас, у женщин.

И офицер смеется. Один смеется. Девушка плачет.

...У девушки нет больше слез. Она сидит перед офицером и быстро, быстро говорит:

— Я скажу вам, где спрячутся партизаны. Только надо так: надо убить командира и комиссара. Они увели моего мужа, а остальные сдадутся. Я знаю: они такие же обманутые, как мой Сережа. Они сдадутся.. Дайте карту.

Офицер раскладывает на столе карту.

— ...Вот здесь... Видите, в озеро вдается коса. Они здесь. У них лодки. В случае опасности они могут перебраться на тот берег озера к красным. Их здесь немного — не больше 100. Нужно идти ночью. В 2 часа — тогда у них ночной сбор.

Офицер смотрит на карту и отходит от девушки. Он садится на свое место за стол. Девушка смотрит на него.

— Но там непроходимые леса!

— Да, но они проходят?

Офицер молчит, потом строго и раздельно произносит:

— Вы поведете нас!

Девушка опускается на стул и закрывает лицо руками. Она шепчет:

— Позор... Какой позор!.. Ужас!..

Офицер смотрит на нее злобно:

— У вас, русских, есть хорошая пословица, что не рекомендуется гулять в лесу, если не хочешь увидеть волков... Мы завтра же отправим вас в свой тыл, вы будете устроены... Вас никто не тронет..

Пауза. Встает девушка.

— Я поведу вас! Дайте, пожалуйста, глоток вина!

За окном густеют сумерки. Еще сильнее шумит дождь в листве яблони, расщепленной снарядом. Офицер сходил за занавеску. Принес оттуда стакан вина.

Девушка пьет. Офицер говорит:

— Вы видели, болтается на колодце? Это вожак здешних коммунистов. Остальных мы расстреляли без почета. Этого решили выделить. Видите, как мы высоко его подняли.

В сумерках на колодезном журавле качается труп. В сумерках хорошо видна нижняя рубашка повешенного. Девушка, не отрываясь, смотрит на труп и молча садится на стул.

Офицер смотрит на часы. Фосфоресцирующие стрелки слились: 24 часа. Офицер высовывается в окно и по-немецки отдает команду:

— Идемте!

Офицер и девушка выходят из хаты. На дороге стоит построившийся отряд фашистов. Не меньше сотни. Кто-то из темноты рапортует офицеру. Офицер командует — и все пошли. Впереди офицер и девушка. Сзади отряд.

Скоро за деревней начинается лес. Тихо в лесу. Акуратно идут немцы. Только иногда слышно, как звякнет металл о металл. У всех в руках автоматы. Офицер расстегнул кобуру револьвера.

...Больше часа идут они через лес. Повеяло сыростью. Меж деревьев ключья тумана, ползущего по кочкам.

Девушка останавливается:

— Здесь начинается коса. Осторожнее!

Офицер тихо приказывает что-то идущему сзади. Приказание передается дальше. Отряд вытягивается ленточкой по 2 человека. Впереди идут рядом офицер и девушка. Так идут они минут 15.

И вдруг... Мгновение назад офицер чувствовал локоть девушки, а сейчас слева пусто. Девушка словно провалилась сквозь землю. Офицер остановился. Остановился отряд. Офицер смотрит по сторонам. Тихо. Так тихо, что слышно, как спра-

ва и слева плещет вода. Офицер наугад стреляет влево. Три выстрела — и женский крик, как крик ночной птицы. Девушки как не бывало. Офицер понимает: ловушка. В следующую секунду это понимают все. Отряду в спину, захлебываясь, хлещут пулеметы, со всех сторон хлопают винтовочные выстрелы.

Через несколько минут все кончено.

До рассвета кругом тишина. И только когда начинают белеть просветы между деревьями, из-за кустов, из-за деревьев выходят партизаны. Они смотрят на трупы убитых фашистов, раненых перевязывают. Рослый бородач выносит из кустов Нину Еременко. Ее руки болтаются.

Кто-то хриплым голосом спрашивает:

— Убили?

* * *

Сейчас, когда я пишу этот рассказ, его героиня, оправившаяся после ранения, снова в партизанском отряде. Рассказывают, что наднях она совершила новый подвиг... Оговорюсь: девушку зовут не Нина, и фамилия ее — не Еременко. Когда последний немец уйдет с земель Псковщины, вся страна назовет настоящее имя этой славной девушки. Сейчас этого делать нельзя.

Ленинград, сентябрь 1941 года.

О ЖИЗНИ НА ВОЙНЕ...

Маленькие рассказы

1. ОБЫКНОВЕННЫЙ ВЕЧЕР

*Командиру подводной лодки Н
Иванцову*

Вечер шестого ноября тысяча девятьсот сорок первого года.

Помещения прибраны. Все металлическое блестящее и, отражая электрический свет, кажется золотым. В самом большом помещении на стенах развешаны октябрьские лозунги. Вокруг длинного стола сидят моряки — кто с книгой, кто с газетой. Пахнет одеколоном — все недавно брились. За одним концом стола четверо стучат в «козла». Их окружает группа болельщиков.

Записал морзянкой радиорепродуктор. Потом писк затих, а близко, совсем рядом зазвучал удивительно знакомый голос. Один из «козлостов» взмахнул рукой, чтобы трахнуть костью по столу, но его рука остановилась в воздухе, и он тихо сказал:

— Братва, Сталин говорит!

Моряки слушали доклад товарища Сталина. Когда аплодировали там в Москве, аплодировали и здесь. Сталин кончил говорить. Овация. Овация в Москве и здесь. Кто-то крикнул:

— За Родину! За родного Сталина — краснофлотское ура!

Если бы радио смогло это балтийское «ура» передать обратно в Москву, то ни один московский репродуктор не выдержал бы такой нагрузки.

Потом начался праздничный ужин. Все сидят за одним столом. Встает командир. Улыбаясь, он оглядывает застольицу и говорит:

— Я считаю, что надо позвать к столу нашего кока. Может быть, тогда он выставит нам все, что у него приготовлено.

Аплодисменты. Является кок. Этот парень — совсем не дипломат. Все сразу поняли, что у кока приготовлен сюрприз. Разное предполагали моряки, но то, что было подано на стол, превзошло все ожидания. Великолепная пенистая брага! Бьющая в нос, чуть пьянящая!

Незаметно ужин переходит в концерт краснофлотской самодеятельности. Вы многое потеряли, не увидев, как танцует старшина Игнатьев. Он отплясывает лезгинку так стремительно, что стоящим в кругу кажется, будто их обдувает горный ветерок.

Словом, обычный предоктябрьский вечер.

Но вечер этот происходит на подводной лодке, которая несколько часов назад потопила большой немецкий танкер. Это было нелегко — всплыть на поверхность штормового моря. Волны нещадно били и накрывали лодку. Море было чужим: справа, вспарывая волны, носились немецкие эсминцы, охранявшие танкер. В него была пущена одна торпеда. Через три секунды последовал взрыв. За грохотом волн взрыва не было слышно, но казалось к самым тучам ударил из моря фонтан огня и черного дыма. Через семь секунд там, где шел танкер, не было ничего. К пустому месту мчались эсминцы, а подлодка уже опустилась под воду и быстро выбиралась из опасного района. Она ушла недалеко, но чтобы праздничному вечеру не помешали ни шторм, ни немецкие эсминцы, командир приказал погрузить лодку поглубже. И вечер проходил без помех.

А там, над поверхностью моря, эсминцы перебрасывались тревожными радиосигналами. Они искали тех, кто в это время допивал последние кружки пенистой браги.

2. КОЛЕНЬКА

Борису Майборода

В партизанском отряде все звали его «Коленька». Однако Коленьке было за тридцать лет, и у него была ладная партизанская борода. Умень-

шительное имя не имело никакого отношения к возрасту. Так его стали называть за характер, за мальчишески озорной характер. Шутник, проказник, хохотун и вместе с тем отважный боец, он был любимцем всего отряда.

Каких только шток ни откалывал Коленька. Однажды он напялил поверх партизанской рубы крестьянский армяк, повязался цветистым кушаком, а на голову надел какую-то старенькую шапчонку. Это у Коленьки называлось: принять форму номер два — «любопытательный крестьянин из соседнего села». В этой форме он пробрался в деревню, в которой стояли немцы. Он разыскал там немецкого офицера, говорившего по-русски, и добрый час морочил ему голову. Он представился офицеру взбалмошным мужичонкой, который вот уже пятьдесят лет ищет правды на земле. Офицер уверял его, что правду несет с собой немецкая армия. Коленька слушал, поддакивал и смотрел: в каких хатах живут немцы, где стоят часовые. Когда он все высмотрел, он стал подобострастно благодарить офицера за привезенную правду-матушку. Офицер растрогался и подарил Коленьке коробку сигарет. Эти сигареты курил весь партизанский отряд.

Вот одно из последних приключений Коленьки. В селе Роше немцы назначили старостой бывшего местного богача мельника Власова. Новоиспеченный староста развернул бешеную деятель-

ность. Колхозники жаловались партизанам, что староста не дает им покоя, чуть что, грозит отправить на виселицу.

Командир партизанского отряда поручил Коленьке сходить в село и посмотреть, что за птица этот староста, припугнуть его, а в случае надобности — уничтожить.

Еще днем Коленька начал готовиться к операции по придуманному им плану. Час просидел он над приведением бороды в порядок. Смотрясь в никелированную крышку командирских часов, он подстригал свою бороду самыми тупыми ножницами мира. На плечи он накинул брезентовый плащ, на голову* надел офицерскую пилотку, на шею повесил трофейный автомат. Ни дать, ни взять — немецкий лейтенант.

В этом виде Коленька отправился в село Роща. И вот идет он по селу, высоко, по-прусски, вскидывая ноги, насвистывая марш. Идет прямо к дому старосты. Небольшой набор немецких слов — прекрасная отмычка к дому и сердцу нового сельского начальника. Он усаживает Коленьку к столу, угощает щами, картошкой с жареным салом и говорит, говорит без конца. Коленька слушает, поглядывает, изредка вставляет: «Зеергут»...

Едруг староста спрашивает:

— Господин офицер, вы не знаете ли капитана Мерзель?

Ломая ни в чем неповинную русскую речь, Коленька отвечает:

— Я знайт капитэн Мерзель — командир сорок третий батальон. А што будет?

— Они приказали мне приготовить список тех, кто активничал при советской власти: коммунисты, комсомолы и прочие заправилы. Список давно готов, а капитан Мерзель не заглядывает что-то в наши края.

Коленька встал:

— Вы дает мне список. Я передает список капитэн Мерзель.

Список в руках у Коленьки. Список составлен по всем правилам. В него внесены даже те, кто в селе постоянно не проживал. В графе примечаний сказано, где их искать. Коленька бегло осмотрел кату, убедился, что больше никого нет, и, подойдя к старосте вплотную, на чистом русском языке сказал:

— Сволочь недорезаная, садись к стенке!

Староста остолбенел, но, увидев черный зрачок автоматного дула, попятился и покорно сел на лавку у стены. Коленька подал ему чистый лист бумаги с немецким гербом, на котором староста писал свои приказы по селу.

— Вот тебе ручка, пиши! «Приказ по селу Роше. Номер приказа последний. Параграф первый: я, староста, назначенный немцами, сего числа, получив партизанскую пулю, объявляю себя скончавшимся. Параграф второй: предупреждаю всех,

кто захочет после меня занять мою собачью должность, что его ожидает такой же конец. Что моей подписью и печатью удостоверяю».

Староста пытался было прекратить это писание под диктовку Коленьки, но дуло автомата снова сделало его прилежным учеником. А может, он надеялся еще, что это шутка?

Коленька проявил себя бюрократам. Он снял копию с этого необыкновенного приказа и заставил старосту заверить копию...

Вскоре Коленька вышел из старостиной хаты, повесил новый приказ на выходной двери рядом с другими и зашагал к себе в отряд.

3. РАЗГОВОР В ВОЗДУХЕ

*Игорю Каберову —
летчику-истребителю*

Они взлетают в снежный буран, на седьмой минуте полета врезаются в низкую сизую тучу, рассыпающую снег. Они летят сквозь тучу. Летчики видят только то, что в кабине. В сумерках мерцают фосфоресцирующие циферблаты приборов. Сквозь стекло не хочется смотреть. Не видно ни винта, ни крыльев своего самолета. И вдруг в глаза бьет солнце. Вверху — голубизна ясного зимнего неба, внизу — нагромождение белоснежных туч. Сбоку, под правым крылом, то заваливаясь в белые ямы, то изгибаясь на причудливых

буграх, мчатся пять теней от самолетов. Тени очерчены радужной каймой.

Пятерка истребителей летит охранять Кронштадт. Летчики его не увидят, но приборы скажут: Кронштадт вот там, внизу, и истребители будут ходить над этим местом по широкому кругу.

Сейчас истребители летят растянутым строем журавлиного клина. В машинах, замыкающих строй, летят два летчика, два приятеля. Они любят в воздухе переговариваться по радиотелефону. Разговорились и сейчас:

— Алло, Игорь, как делишки?

— Очень хорошо. А у тебя?

— Мои дела всегда хороши.. Игорь, вот опять мы не доиграли партию. Когда ты научишься играть побыстрее?

— Ничего, ничего, прилетим—доиграем.

— Доигрывать не придется. Ты забыл, что в землянке остался капитан. Он опять королей ссыпет в валежок, а из шахматной доски сделает обеденный стол.

— Капитан это делает нарочно. Подожди же, сегодня прилетим, я срочно сделаю ему обеденный столик из ящика.

— А я бы на твоём месте не старался. Ведь так капитан спасает твоего короля от неминуемого разгрома.

— Так, так, значит тебе кажется, что я плохо

играю. А вот ты плохо летаешь. Ты опять ломашь строй.

— Игорь, когда тебе надоест подначивать меня на эту тему?

— Никогда. Ты очень плохо летаешь, об этом говсрит весь полк.

— А о тебе, вероятно, говорят, что ты «асс»? Ты лучше посмотри, как ты сам летаешь. Тебя качает, как подбитую ворону. У тебя...

Радио работало отлично. Не дождавшись окончания фразы, Игорь взглянул в сторону своего приятеля. Так смотрят на близко сидящего собеседника, который неожиданно замолкает на полуслове. Самолета Алексея в строю не было. Игорь смотрит вниз и видит, как Алексей на коротком пике заходит под его машину. Таких штук на войне зря не делают. Игорь отодвинул штурвал от себя и тоже нырнул к тучам и затем, поставив самолет на крыло, круто повернул назад. Все ясно. Пока они разговаривали, к хвосту его самолета подкрался «мессер», очевидно, вылетевший из туч. Игорь ринулся на врага, но опоздал буквально на несколько секунд. Все необходимое уже проделал его приятель Леша. У «мессера» горело крыло, и он, нелепо задрвав хвост, начал падать.

И вот опять летят пять самолетов. За́мыкают строй два летчика, два приятеля. Снова включено радио:

— Леша, спасибо, дорогой!

— Чего спасибо-то? Ты, Игорь, парень надежный, долгов не замотаешь. Отдашь при случае!

— А все-таки, Леша, мне не нравится, как ты летаешь.

— Ну ладно, ладно... Смотри, слева по борту, смена летит. Сейчас полетим до дому.

Ведущая машина качнула крылом. Это приказ возвращаться на аэродром.

4. ПОХОРОНЫ КОМАНДИРА

Немцы напали на наблюдательный пункт артиллерийского дивизиона. Лейтенант Губарев и красноармеец связист Курош вступили в неравный бой против четырнадцати автоматчиков. Лейтенант был убит. Истекающий кровью связист притащил его труп..

Сегодня дивизион хоронит лейтенанта. Губарев был большим другом командира дивизиона, и тот хотел бы похороны произвести особенно торжественно. Но на войне нет времени для торжеств. Война есть война.

Четверо бойцов заканчивают рыть могилу. Тут же рядом по цепи из рук в руки передаются ящики со снарядами. Орудия одной батареи стоят в низкорослом ельничке в двадцати шагах от могилы. В четырнадцать часов все батареи должны открыть огонь по разведанным целям. Командир смотрит на часы: тринадцать часов сорок семь минут.

У могилы стоят бойцы. Командир дивизиона подходит к гробу и смотрит на спокойное лицо лейтенанта. В такой момент всегда говорят надгробные речи, но сейчас нет времени даже для самой короткой речи. Командир посмотрел на бойцов и тихо скомандовал:

— К срудиям!

Сняв шапки, бойцы проходят мимо гроба и исчезают в ельнике. Оставшиеся осторожно опускают гроб в могилу. Еще несколько минут, — и над могилой вырастает скромный холмик из комьев мерзлой земли.

Взволнованный голос командует, и слова этой команды летят от батареи к батарее:

— По цели номер один — огонь!

Земля вздрагивает от залпа. Эхо первого залпа еще мечется между холмов, а уже гремит второй залп... Третий! Четвертый! Дрожит земля, и с могильного холмика бесшумно скатываются комья мерзлой земли.

Гремят залпы всех батарей...

5. ГАРМОНЬ

Старший ефрейтор Крафт и сопровождавшие его трое молодцов не смогли осилить дверь, окованную железом. Тогда они вошли в магазин через витрину. Лучики электрических фонарей осветили полки, на которых стояли гармонии, барабаны, висели гитары и скрипки. Ефрейтор взял себе туль-

скую трехрядную гармонь. Он притащил ее в землянку, и тут же выяснилось, что он на этой гармонии ничего сыграть не может.

У гармоний бывает два строя. Один называется венским. Это сложный строй, на котором можно сыграть по нотам даже классическое произведение. Другой строй — русский. Простой, широкий. Только на этом строе можно сыграть нашу раздольную русскую песню.

Как ни старался ефрейтор заставить тульскую гармонь играть его немецкие песни, — ничего из этого не получилось. Все фашистские песни однообразны, как военные марши, и на тульской гармонии их не сыграешь. Немец рвал меха, нещадно ругал незнакомую ему клавиатуру — гармонь огрызалась дикими лающими звуками.

Этими музыкальными упражнениями особенно возмущался наш боец Алексей Кондратьев. Дело в том, что на этом участке фронта между нашими и немецкими окопами было совсем маленькое расстояние и в минуты затишья дикая музыка ефрейтора была слышна и у нас. А Кондратьев — сам хороший гармонист и все время тосковал по инструменту. Ребята смеялись: вот, дескать, пойдешь в атаку, так ты, Кондратьев, отбери гармонь у фашиста... Смеялись, смеялись, а так и вышло. Пошли наши бойцы в атаку и захватили немецкие окопы. Кондратьев нашел гармонь и взял ее с собой.

Когда все кончилось, собрались бойцы вокруг

Кондратьева. Он взял гармонию, тщательно протер платочком клавиатуру и развернул меха. И показалось всем, что гармонь облегченно вздохнула в его руках. Вздохнула и запела чудесную песню о Волге, о стенах астраханских. Бойцы сидели, слушали, и каждый в это время думал о своем, о самом сокровенном.

С тех пор во всех походах и боевых делах эту часть сопровождает тульская трехрядная гармонь, освобожденная из немецкого плена.

6. НЕРВНАЯ СИСТЕМА И ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА

В. Ходоренко

Окончив институт, Владимир Владимирович начал работать над диссертацией. Тема была выбрана давно: «Первая система и характер человека». Уже собран был необходимый материал, но в Ленинграде ему не удавалось как следует работать. Владимир Владимирович выключил телефон, провел специальный инструктаж для своей домработницы, но ничто не спасало его от многочисленных друзей и знакомых. И тогда в начале лета он уехал к родным в глухую деревню на Псковщине. И все же диссертация не была окончена. Там, в деревне, Владимира Владимировича застала война. Там он вступил в партизанский отряд.

Партизаны прозвали Владимира Владимировича профессором. Он был в отряде рядовым, но очень храбрым бойцом.

...Потребовалось взорвать железнодорожную линию, по которой немцы производили большие перевозки. Сделать это было не легко. Десятки километров дорога шла по болотистой равнине со скудной растительностью. Вдобавок рядом с дорогой пролегало шоссе с довольно оживленным движением. Подобраться к железнодорожному полотну было очень трудно.

Командир отряда спросил:

— Ну как, профессор, поднимаешь это дело?

«Профессор» подумал и ответил:

— Подниму.

...Два часа «профессор» ползком от кустика к кустику подкрадывался к дороге. Хорошо еще, что снег был пушистым и в нем легко было зарываться. «Профессор» тащил с собой солидный груз: запас взрывчатки, магнето для зажигания, моток электропровода, автомат и гранаты.

Первая неприятность в операции — луна. Известно, зачем она вылезла из туч и осветила равнину голубым сьетом.

«Профессор» подполз к самому шоссе. Через него нужно было перебежать, а там до железной дсрсги оставалось шагов сто. Но как перебежать через шоссе, если по нему то и дело проносятся немецкие машины. От шоссе «профессора» отделяла канава и кустик брусники на маленькой ку-

пинке. «Профессор» терпеливо ждал удобного момента... Промчалась одинокая штабная машина. Вот он — удобный момент! «Профессор» приподнялся, встал на одно колено, другой ногой покрепче уперся для броска, взял в руки все свое хозяйство... Еще секунда — и бегом вперед! Напряжены все мускулы. И вдруг, словно из-под земли — фигура мотоциклиста. С выключенным мотором, на инерции он подлетел к обочине шоссе и остановил машину в двух метрах от «профессора». Тот опять прижался к земле. Замер... Мотоциклист слез с машины. Закурил. Начал осматривать местность. Это был один из дозорных, охранявших шоссе и железную дорогу. «Профессор» затаил дыхание. Он боялся, что немец услышит, как стучит его сердце. А тут еще беда с автоматом. Когда «профессор» падал, автомат отлетел в сторону на добрый метр. Автомат нужно было взять, но этого нельзя было делать сразу — немец заметил бы движение. «Профессор» решает сделать это постепенно. Он начинает медленно, медленно протягивать руку к автомату. Секунда — полсантиметра. Пауза. Секунда — еще полсантиметра... Немцу стало холодно, он начал прохаживаться: два шага — вперед, два — назад... Секунда — еще полсантиметра. Еще, еще... Дозорный подходит к самой канаве. Остановился. Видно, задумался о чем-то, тупо смотрит в канаву. Дозорный попался меланхолик. Он простоял так минут пятнадцать. Потом встряхнулся и начал раскуривать

давно погасшую сигаретку. Дозорный выругался и швырнул сигаретку к самому лицу «профессора». Инстинктивно «профессор» чуть отдернул лицо и только тогда почувствовал, что он отморозил щеку, которая была прижата к снегу.

Дозорный начал возиться с мотором мотоцикла, а «профессор» продолжал операцию с автоматом. Секунда — полсантиметра. Еще секунда — и вот пальцы нащупали холодный металл. Теперь такое постепенное движение в обратном направлении. Короче говоря, операция с автоматом заняла пятьдесят четыре минуты. Почти час невероятного напряжения нервов и проявления стального характера. Но зато автомат был в руках и на душе было спокойней.

Дозорный завел мотор. «Профессор» немедленно воспользовался этим шумом и лег поудобней. Но дозорный не уехал. Погоняв мотор, он выключил его, а сам присел на корточки и облокотился на разогревшиеся цилиндры. Так просидел он не меньше часа. Потом встал, снова завёл мотор. Подходит к канаве. «Профессор» видит в его руках пистолет. Неужели немец заметил его? Но это был не пистолет, а ракетница. Дозорный пустил в небо зеленую ракету, что, очевидно, должно было означать «все в порядке», сел на мотоцикл и уехал.

Еще через тридцать минут по равнине прокатился и повторился эхом в дальнем лесу грохот

большого взрыва. «Профессор» закончил свою работу.

Вернувшись в отряд, Владимир Владимирович сделал в блокноте краткую запись. Она заканчивалась так: «...и это сделал я, потомственный интеллигент-неврастеник. Значит, помимо наследственности, характер формирует сознание. Продумать это для диссертации».

7. ОХОТА

Настоящие охотники знают, как важно уметь выбрать для охоты удачное место. Особенно когда идешь на глухариный ток или на тягу вальдшнепов. Иногда кажется: вот оно удачное место, а в самый критический момент, когда нужно нажимать курок, оказывается, что низкий сук осины закрывает кусок просвета в лесной чаще.

Среди ленинградских охотников кассир отделения Госбанка Андрей Дмитриевич Кулешев славился умением находить удачные места. Он вдоль и поперек исходил леса Будогощи и знал здесь массу поистине счастливых мест. И он никогда не приходил на одно и то же место второй раз. Но в данном случае он изменил этому правилу. Третью ночь подряд Андрей Дмитриевич стоял на одном и том же месте...

...Вечером прошел снег. Он лег на ветви елей пухлыми подушечками, запорошил дневные следы. Утреннего мороза как ни бывало. Андрей Дмитриев-

вич взял в руку снег — он податливо слепился в комок, крахмально хрустнув меж пальцев. Ночь тихая. Только лес гудит на ветре, потрескивает мерзлыми сучьями. Андрею Дмитриевичу этот гул не мешает. Из этого гула он всегда выделит любой посторонний звук.

Андрей Дмитриевич оперся плечом на ствол высокой сосны. На правой руке привычная тяжесть оружия, пахнувшего маслом. Чуть опутимо плечом мерное покачивание сосны.. Андрей Дмитриевич вспомнил, как вот в этих же местах он стоял однажды на тяге и за тридцать минут нащелкал четырнадцать вальдшнепов. Ему вспоминались мельчайшие детали той охоты. Ему почудилось даже, что он снова слышит квохтанье летящей птицы. Андрей Дмитриевич даже вздрогнул и настороженно прислушался.. Да... Посторонний звук. Похожий на квохтанье вальдшнепа, но пореже... Нет, нет.. Совсем не то. Это осторожный, хрустящий талым снегом шаг человека в валенках.

Человек идет из леса к дороге. Андрей Дмитриевич еще не видит человека, но уже следит за ним по звуку. Вот там, у низенькой ели, человек покажется в просвете... Человек вышел на просвет. В это же мгновение Андрей Дмитриевич нажимает на спусковой крючок. Лесную тишину разрывает выстрел. Человек упал..

...Несколько дней подряд вблизи одной из наших передовых частей, на окраине леса, появлялся немецкий автоматчик-снайпер. Последние дни

он появлялся только ночью. Он подкрадывался близко-близко и обстреливал наших бойцов. Один наш боец был убит. В другую ночь он троих ранил. Тогда командир части вызвал к себе лучшего снайпера Андрея Дмитриевича Кулешева, приказал ему выследить немецкого снайпера и ликвидировать.

Две ночи Андрей Дмитриевич простоял зря: снайпер не приходил. Но его старые следы говорили охотнику, что ждать нужно именно здесь, у сосны, против просвета на опушку.. Охотник обязан быть терпеливым, иначе он плохой охотник.

У Андрея Дмитриевича терпения хватило.

8. ВМЕСТЕ С ЧАПАЕВЫМ

В одном ленинградском клубе показывали кинокартину «Чапаев». В зале сидел самый разнообразный люд рабочего района.

...Ровное поле. Издалека, от самого горизонта, в атаку на чапаевские позиции идут цепи офицеров-капелевцев. Помните, как они идут? Во весь рост. Под рокот барабана. Над цепями развевается черное знамя с черепом... Нервничают чапаевцы. Жутко зрителям, сидящим в зале: а вдруг не устоят чапаевцы?

Но не такой народ чапаевцы, чтобы дрогнуть перед офицерьем. Не таков Василий Чапаев и его ребята! Вот он — герой на своем боевом коне — привстал на стременах, следит за цепями капелевцев.

В это время сидящие в зрительном зале услышали ноющий звук сигнала воздушной тревоги. Люди вздрогнули: так трудно им было переключиться с переживаний, вызванных экраном, на ощущение опасности реальной, личной. Люди вздрогнули, но никто не встал, хотя билетерши уже распахнули двери для прохода в убежище. Киномеханик то ли из-за стрекота аппарата, то ли увлекшись картиной, сигнала воздушной тревоги не слышал, и показ картины продолжался. И зрители упорно не выходили из зала. Они в эти опасные для Чапаевцев минуты оставались с ними и, вместе с ними нервничая, горячася, ждали приказа Чапаева ударить по офицерью...

...Вот Чапаев поправил на плечах черную бурку, пришпорил коня и орлом понесся вперед. Ударили чапаевские пулеметы. Началась косьба офицерских цепей. Чапаевцы пошли в контратаку. Над полем вагремело, покатилося «ур-а-а!»...

Психическая атака отбита. Зрители успокаиваются и... вспоминают о сигнале воздушной тревоги. Кто-то, видимо, известил о тревоге и киномеханика — в зале вспыхнул свет. И одновременно:

— Та-та-та-там, та-там! Отбой!

Тревога была на редкость кратковременной. Зал, казалось, дрогнул от хохота. Мгновенно погас свет. Показ картины продолжался.

...Чапай вместе с боевыми друзьями сидел на барах и пел свою любимую песню...

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Уменье видеть ночью	3
В том же небе	13
Рассказ о Нине Еременко	20
О жизни на войне:	
1. Обыкновенный вечер	28
2. Коленька	30
3. Разговор в воздухе	34
4. Похороны командира	37
5. Гармонь	38
6. Нервная система и характер человека . .	40
7. Охота	44
8. Вместе с Чапаевым	46

В. 50 Г.

Цена 20 коп.

17

17

